

Лю Сюнь опустил ноги в медный таз с горячей водой, а затем устроился под одеялом.

— Дэдэр, потуши свет.

Дэдэр задул масляную лампу. Всего лишь одна ночь в гостях, а господин так радуется.

Приближался конец года, и никакие дела не могли быть важнее празднования Нового года. Ян Цяо всё не подавал окончательный доклад, и дело оставалось не закрытым. Столичный градоначальник управлял мелкими делами столицы, убийства случались редко, а споры — часто, особенно в конце года. Теперь Лю Сюнь каждые десять дней посещал Императорскую академию, и это стало для него привычкой.

Лю Лан всё ещё находился в отпуске, и Лю Сюнь мог лишь утешать себя тем, что такие вещи неизбежны, и тот, кто чувствует неловкость, должен просто избегать её.

Конец года был временем, когда чиновники из других регионов возвращались в столицу для отчёта. Дядя Лю Сюня также вернулся. Лю Сань попросил каждого мужчину в семье отправиться на пристань, чтобы встретить его. В семье Лю Сюня это мог сделать только он. Ли Цзи, будущий зять, также пошёл. В пронизывающем ветру Лю Сюнь закутался в плащ, держа в руках грелку.

— В прошлые годы приходили только один или два человека. Почему в этот раз все должны быть здесь?

— Это из-за раздела имущества. Дядя не был в столице, когда делили имущество. Если бы его встретили только два или три человека из нашей семьи, это было бы слишком печально, и люди могли бы подумать, что мы не сплочены, — объяснил Лю Сань.

— Государь уже вернул долг? — спросил Лю Сюнь.

— Половину. Государь сказал, что оставшуюся часть возвращать не нужно. Похоже, что потомки не слишком преуспевают, и нужно оставить им немного денег на жизнь. — Лю Сань вздохнул. — Государь действительно мудр.

— Он не предложил тебе какую-нибудь должность? — спросил Лю Сюнь. — Из всех семей герцогов наша самая малочисленная. Если Государь хочет наградить знатных, это обязательно коснётся нас.

— Ты не понимаешь, как тяжело твоему старшему брату, — сказал Лю Гуань. — Мать не отпустит меня, пока я не рожу троих детей. А отец снова заболел этой зимой.

— Но если ты станешь генералом Чжэньго, у тебя будет ещё меньше возможностей, — сказал Лю Сюнь.

Он понимал амбиции Лю Гуаня, его стремление к реальным делам. Хотя знатные имеют более высокий старт, в правительстве они сталкиваются с множеством ограничений.

— Сейчас в доме герцога Чжэньго только дядя и пятый дядя занимают должности. Дядя был в командировке так долго, что пора ему вернуться в столицу, — сказал Лю Гуань.

— Это зависит от того, хочет ли он вернуться, — ответил Лю Сюнь.

Он огляделся. Ли Цзи и двоюродные братья стояли поодаль. Он подошёл ближе к Лю Гуаню.

— Старший брат, благодарность Государю за досрочное возвращение долга должна быть направлена на тебя. Если дядя вернётся и представит отчёт, Государь увидит, что это тоже член семьи герцога Чжэньго, и награда достанется ему.

— Мы одна семья, — сказал Лю Гуань, но в его глазах появилась серьёзность.

— Я не говорю, что мы не одна семья. Но дядя уже в возрасте. Если он решит остаться в столице, второй и четвёртый братья будут отправлены на службу в другие регионы. Тебе будет проще подниматься по карьерной лестнице, находясь в столице, — сказал Лю Сюнь.

— Седьмой, ты действительно вырос, — с уважением сказал Лю Гуань, похлопав Лю Сюня по плечу.

— Не рассчитывай на меня. Если я не наделаю бед, это уже хорошо. — Лю Сюнь улыбнулся. — Как я уже говорил, нужно, чтобы в правительстве был человек, который сможет за тебя постоять. Лучше рассчитывать на себя, чем на других.

Лю Чао, второй дядя, сорока двух лет, был высоким мужчиной с белой кожей и красивой бородой. Его осанка излучала достоинство, в отличие от болезненного Лю Хао, бездельников Лю Пэна и Лю Лана, и слегка располневшего Лю Ляна. Из пяти братьев он выделялся, хотя не был ни старшим, ни наследником.

Вернувшись, Лю Чао первым делом отправился к старушке, чтобы выразить ей почтение. Хотя он не был её сыном, их отношения оставались тёплыми, пока он был далеко. Лю Хао устроил семейный ужин, и впервые после раздела имущества все пять братьев собрались вместе.

На ужине Лю Чао заговорил о будущем молодого поколения, но не о Лю Гуане, а о Лю Лане.

— Если ты всё ещё настаиваешь, попробуй сдать экзамены ещё раз. Если в этом году не получится, поступи в Императорскую академию. В этом нет ничего постыдного. Среди всех чиновников в правительстве лишь немногие имеют степень цзиньши.

Лю Лан улыбнулся и поднял бокал, но ничего не сказал. Лю Пэн почувствовал, что его лицо пострадало.

— Он учёный, пусть спокойно учится. Отец всегда хотел, чтобы его потомки получили образование и изменили статус семьи.

Лю Чао продолжил:

— Когда все его братья получат должности, а он останется без звания, как он будет себя чувствовать? Он ведь старший.

— Дядя, ты что, считаешь, что мой брат не сдаст экзамены? — спросил Лю У.

— Не стоит недооценивать удачу, — сказал Лю Чао. — Чем Лю Лан отличается от Лю Сюня? Почему Лю Лан столько лет не может сдать экзамены, а Лю Сюнь всё делает легко? Это удача, просто удача.

Лю Сюнь поднял чашку с чаем. Эти слова никому не пришлись по душе.

После ужина Цяо Сюй шутила:

— Вторая невестка такая странная. Как только мы встретились, она спросила, в какой храм я

хожу. Она хочет пойти туда помолиться, потому что он приносит удачу, и даже помог моему сыну стать танхуа.

— Это благодаря тебе, мама. Если бы ты не родила меня таким, я бы не смог стать танхуа, — сказал Лю Сюнь.

— Я сразу сказала, что Будда лишь помогает моему сыну быть здоровым, а танхуа он получил благодаря своим стараниям, — ответила Цяо Сюй. — Она ведь не родная. Вторая дочь скоро выходит замуж, а она возвращается и приглашает меня пойти с ней в храм. Я не пойду. Сразу сказала, что нужно готовить подарок для второй дочери.

— Ты молодец, мама, — сказал Лю Сюнь. — Если ты всегда будешь такой, мне не придётся волноваться, что тебя обидят.

— Вы двое уже достаточно понежничали, пора расходиться. Разве вы не устали? — сказал Лю Лян.

— Твой отец ревнует, — с улыбкой сказала Цяо Сюй, щипнув Лю Сюня за щёку. — Иди спать. В ближайшие дни не уходи далеко, возможно, дядя попросит тебя помочь.

— Эх, я же буду на побегушках, — вздохнул Лю Сюнь.

— Просто сделай вид, — сказала Цяо Сюй. — Лучше иметь братьев, чем не иметь. Тот, кто всегда защищал тебя, ушёл, теперь тебе нужно самому строить отношения с остальными.

Лю Сюнь заткнул уши и отступил назад.

— Не хочу слушать, не хочу слушать. Если ты продолжишь, ты снова заплачешь.

Когда Лю Сюнь ушёл, Лю Лян подошёл к Цяо Сюй и мягко погладил её по спине.

— Твой сын прав, ты действительно начинаешь плакать, говоря об этом.

Цяо Сюй сжала платок.

— Посмотри на него, он всё ещё как ребёнок. Если мы уйдём, оставив его одного в этом мире, как я смогу быть спокойна?

— Мы должны всё устроить для него перед тем, как уйти, — после паузы сказал Лю Лян. — Сюнь всегда был умным мальчиком.

— Чем умнее он становится, тем больше я переживаю, — слёзы катились по лицу Цяо Сюй. — Думая о Цзинэре, я чувствую боль в сердце. Как я ненавижу всё это.

Лю Лян молча обнял её.

Тихий вздох.

— Дядя.

Лю Юньчжао закончил писать иероглифы и посмотрел на Лю Сюня, который, вместо того чтобы наблюдать за ним, полужёжа на подушке, играл с маленьким квадратным предметом, его взгляд был рассеянным, и он явно о чём-то думал.

— Да, — Лю Сюнь повернул глаза к нему. — Юнь, ты закончил? Покажи. Это рукопись твоего отца, бабушка хранила её как сокровище, а теперь дала тебе для практики. Ты должен хорошо учиться.

Лю Юньчжао кивнул.

— Но дядя, многие иероглифы я не знаю.

— Со временем ты выучишь их все, — сказал Лю Сюнь. — Юнь, ты тоже постепенно вырастешь.

— Дядя, ты сегодня не пойдёшь в управление? — спросил Лю Юньчжао.

— Нет, — ответил Лю Сюнь. — Вторая сестра выходит замуж, я взял отпуск.

— Я знаю вторую тётю, она сделала мне восьмислойный амулет, — сказал Лю Юньчжао.

Он не был разговорчивым, но после возвращения в семью и получения внимания от многих людей он стал немного более открытым.

— Тётя добра к тебе, и ты должен быть добр к ней, когда вырастешь, — сказал Лю Сюнь.

Он свернул написанные Лю Юньчжао иероглифы и положил их на место.

— Тётя сейчас не может видеть это, но я отведу тебя к твоему будущему дяде.

Цяо Сюй в это время помогала в доме герцога Чжэньго, а дома оставалась только госпожа Мэн, которая понимала, что ей, как вдове, не стоит присутствовать на свадьбе. Когда Лю Сюнь сказал, что возьмёт Лю Юньчжао с собой, чтобы познакомить с будущим дядей, она лишь улыбнулась и напомнила мальчику слушаться дядю.

Няня хотела пойти с ними, чтобы присматривать за ребёнком, но госпожа Мэн покачала головой.

— Младший брат позаботится о Юне.

[Авторские примечания отсутствуют]

<http://bllate.org/book/16147/1446248>